

XXXIV. Виленский Вестник. № 84. 85

РУССКИЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Блестящіе успѣхи русского оружія въ Средней Азіи не могли не обратить вниманія иностранной прессы. Западные публицисты съ беспокойствомъ заявляли читающей публикѣ о новомъ, громадномъ расширениі съвернаго колосса, грозившемъ нарушить политическое равновѣсіе Европы. По мнѣнію пѣкоторыхъ изъ нихъ, властолюбивые замыслы Россіи остановятся лишь у подошвы Гималаевъ, если Англія съ своей стороны не приметъ дѣятельныхъ мѣръ для противодѣйствія опасному для нея соѣдству *). Англійская газета *Morning-Post* протестовала противъ слишкомъ общаго и неопределеннаго, по ея мнѣнію, названія Туркестана, которымъ русское правительство означило свои новые приобрѣтенія, отыскивая въ немъ признаки посягательства на всю Центральную Азію.

Нѣтъ сомнѣнія, что многочисленные читатели иностранныхъ журналовъ, а особенно Французы, готовы принять на вѣру слова публицистовъ, большую частію плохо знакомыхъ съ сущностію вопроса, и въ przypadкѣ легковѣрія выражать свое сбчувствіе этимъ, будто бы, новымъ невиннымъ жертвамъ нашего ненасытнаго властолюбія. Отдаленность и неизвѣстность странъ, служащихъ театромъ военнымъ дѣйствій и знакомыхъ западному воображенію большую частью изъ волшебныхъ преданій арабскихъ поэтовъ; громкія имена Самарканда и Бухара, невольно напоминающія о блестящей эпохѣ Калифовъ, не мало способствуютъ поддержкѣ и укорененію хотя и поэтическаго, но тѣмъ не менѣе грубаго заблужденія. Поэтому нельзѧ не отнести безъ сбчувствія ко всякой добросовѣстной попыткѣ направить умы къ бо-

льѣ точному и положительному пониманію политическихъ событий, относясь къ памъ безъ предвзятой теоріи и напускной фразеологіи кабинетнаго увлеченія. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Revue des deux Mondes* *), подъ рубрикой „*La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale*“ (Россія и Англія въ Центральной Азіи) помѣщена была статья, далеко не лишенна интереса. Авторъ ея не только представляетъ историческій очеркъ описываемой страны, но и старается изобразить живую картину нравственного и соціального быта ея обитателей. Резюмируя свои выводы, онъ приходитъ къ тому заключенію, что занятіе и покореніе Ташкента русскими силами было прямое дѣйствіе столь же уважительное въ государственномъ, какъ и въ гражданскомъ быту, права необходимой обороны. Владычество Россіи будетъ не тяжестью и не бѣдствіемъ для новопокоренныхъ ею народовъ, а напротивъ истиннымъ благодѣяніемъ, какъ единственный исходъ къ цивилизаціи и правильной формѣ государственаго быта, которыхъ они не въ состояніи были выработать собственными силами въ теченіи цѣлыхъ столѣтій самостоятельнаго существованія. По его мнѣнію, западная Европа должна не только сочувственно относиться къ нашимъ быстрымъ успѣхомъ въ Центральной Азіи, но и искренно желать болѣе прочнаго утвержденія въ ней русского владычества, въ видахъ цивилизаціи и общечеловѣческихъ интересовъ. Наконецъ, не останавливаясь на этихъ смѣлыхъ, но справедливыхъ выводахъ, авторъ утверждаетъ, что новое расширение Россіи не представляетъ ничего предосудительнаго ни для спокойствія Европы, ни для безопасности англійскихъ владѣній въ Иллії. Этому вопросу

*) См. въ *Revue des Deux Mondes*, livr. du 15 fevrier 1867. статью Эмиліи Woule „les Russes dans l'Asie Centrale.“

*) См. *Revue des deux Mondes*. Liv. du 1-er Juin 1867. „*La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale—les Russes en Boukarie par M. Quillaume Lejean*.“

онъ полагаетъ посвятить особую статью, такъ какъ въ немъ собственно заключаются главныя причины высказываемыхъ опасений журналистами.

Нельзя не согласиться съ логичностью и справедливостью вышеприведенныхъ выводовъ, тѣмъ болѣе, что авторъ, посѣщавшій страну нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, черпаетъ свои доводы не изъ фельетонныхъ разказцевъ но изъ виденной имъ дѣйствительности. Прежде, чѣмъ воспользоваться нѣкоторыми изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, скажемъ съ своей стороны два слова въ отвѣтъ на увѣренія публицистовъ, отыскивающихъ въ настоящихъ событіяхъ связь съ преданіями дипломатіи Петра Великаго и желающихъ во что бы то ни стало подобно Эмилю Woute, видѣть въ настоящихъ политическихъ событіяхъ Средней Азіи осуществленіе давно задуманного и старательно вздѣлянаго нашимъ правительствомъ политического плана.

Вопросъ о владѣніи Центральной Азіей никогда не являлся традиціональнымъ вопросомъ нашей политики, никогда не стоялъ на ряду съ болѣе важными и первостепенными вопросами, какъ, напримѣръ, польскимъ или восточнымъ. Значеніе его преимущественно торговое, финансовое. Дѣйствительно, въ началѣ настоящаго столѣтія, петербургскій кабинетъ нѣсколько разъ обращалъ свое вниманіе на Среднюю Азію, мечтая не столько о завоеваніяхъ, сколько о возможности проломить себѣ торговый, а въ случаѣ надобности, и военный путь въ Индию. Усилившееся могущество Англіи и своевольные поступки, которые она позволяла себѣ противу континентальныхъ державъ, благодаря обширности своихъ морскихъ силъ, вызвали эту новую тенденцію, какъ естественное желаніе противодѣйствія. Императоръ Павелъ чистосердечно ненавидѣлъ политику ст.-джемскаго кабинета; это нерасположеніе, какъ извѣстно, было одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ его къ сближенію съ первымъ консуломъ. Рыцарское желаніе обуз-

дать своеволіе непобѣдимой властительницы морей пробудило въ умѣ Императора мысль поразить ея силы въ главномъ источнику колоніального богатства. Смерть Императора разрушила эти смѣлые замыслы; но впослѣдствіи, въ періодъ дружественныхъ сношеній съ Франціей, Императоръ Александръ I не чуждался также мысли о сухопутной экспедиціи въ Индию. Можно полагать, что приличныхъ свиданіяхъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, этотъ вопросъ не разъ былъ затронутъ на ряду съ прочими. Императоръ Французовъ имѣлъ прямую выгоду поддерживать въ этомъ направленіи мысли своего могущественнаго союзника, сколько изъ желанія ослабить свою заклятую соперницу—Англію, столько же съ цѣлію отвлечь и направить въ другую сторону громадныя силы Россіи, способныя оказать ему противодѣйствіе на европейскомъ континентѣ. Несмотря однако на все это, блестящему проекту индійской экспедиціи не суждено было выйти изъ области политическихъ мечтаний. Охлажденіе Императора Александра къ континентальной системѣ и послѣдовавшій близко затѣмъ разрывъ съ Франціей сдѣлали осуществление его невозможнымъ. Съ той поры до 50-хъ годовъ мы не видимъ никакихъ попытокъ со стороны правительства увеличить территорію государства на счетъ Центральной Азіи. Экспедиція 1839 г., вызванная безразсудными поступками Хивинскаго хана, имѣла главною цѣлію не столько противодѣйствіе походу лорда Аукленда въ Кабулъ, сколько устрашеніе и справедливое наказаніе хивинскихъ разбойниковъ. Несравненно проще и послѣдовательнѣе относить причины настоящаго постепеннаго стремленія русскаго владычества въ глубь Центральной Азіи въ присущей всѣмъ необходимости охранять свои предѣлы отъ разбоевъ и насилий полудикихъ обитателей ханствъ. Съ этой точки зрѣнія прогрессивное движеніе нашихъ военныхъ силъ является дѣйствіемъ не только послѣдовательнымъ, но даже неизбѣжнымъ. Охра-

нение одной мѣстности обусловливало занятие другой и такъ далѣе, пока представлялась опасность. Той же системой руководствовались и Французы. Утвердившись въ Америкѣ, они постепенно завоевывали Медакъ, Мемиджа, Лагуашь и Уарама, прикрывая одно за воеваніе другимъ. Если бы беспокойные обитатели Средней Азіи и не грозили опасностью пашимъ восточнымъ границамъ, то правительство все таки не могло равнодушно смотреть на постоянное расхищеніе и набѣги, отъ которыхъ такъ часто страдали мирные пограничные жители.

(Продолженіе будетъ).

Д. Познякъ.

Еще съ незапамятныхъ временъ, владычество Центральной Азіей раздѣлялось между народами двухъ различныхъ племенъ: Иранского, или Персидского и Туранского, или Татарского. Персидское племя обнимаетъ не только однихъ обитателей пынѣшней Персіи, но также и массу народностей, разбросанныхъ по направлению отъ Аму-Даріи вплоть до западныхъ предѣловъ Китая. Племенная связь этихъ народностей проглядываетъ въ общемъ употребленіи ими персидского наречія съ большею или меньшею примѣсью турецкихъ и тибетскихъ словъ. Эти различные народности известны сосѣднимъ съ ними турецкимъ племенамъ подъ общимъ прозваниемъ Тадъиковъ. Привязанность къ осѣдлости и хлѣбопашству поставила ихъ съ первыхъ же моментовъ исторической жизни въ непріязненнія и враждебныя отношенія къ народамъ туранского племени. Еще въ отдаленные времена своего процвѣтанія и могущества персидская монархія старалась охранять свои владѣнія отъ разграбленій дикихъ ордъ кочевниковъ, вѣчно готовыхъ опустошать ея предѣлы. По завоеваніи персидского царства, Александръ Македонскій положилъ основаніе Бактрийскому государству, которое нѣсколько столѣтій было представителемъ греческой цивилизациіи въ Центральной Азіи, до той поры, когда Парѳяне утвердили въ ней

свое могущество и Бактріана, парави съ другими греческими колоніями, основанными у истоковъ Инда, пала подъ напоромъ кочующихъ варваровъ. Съ той поры Центральная Азія содѣлалась театромъ необузданнѣйшей анархіи. Возникавшій исламизмъ вызвалъ новые силы, и блестящая эра калифовъ освѣщаетъ, непродолжительное время, поэтическимъ свѣтомъ кровавыя яѣтолиси этихъ странъ. Но и калифы послѣдовали участіи Селевкідовъ: владычество ихъ, скоро воздвигнутое, оказалось не прочнымъ и роспалось при первомъ сильномъ столкновенії. На обломкахъ его, возникаютъ новые государства, между которыми на первомъ планѣ мы находимъ Фергассу, процвѣтавшую въ эпоху крестовыхъ походовъ. Фергасса заключала въ себѣ въ это время цвѣтущіе и населенные торговые центры: Самаркандъ, Бухару и Ургентъ, великолѣпіе которыхъ воспѣваетъ Эдризи и другіе средневѣковые арабскіе поэты. Пребладающимъ племенемъ въ этомъ государствѣ мы находимъ «Узбековъ» монгольского происхожденія. Узбеки, овладѣвшіе наслѣдіемъ калифовъ, мало по малу поддались цивилизациіи покоренной ими страны; но благосостояніе ихъ было непродолжительно и было нарушено движениемъ единоплеменныхъ имъ кочующихъ Монголовъ, которые опустошивъ восточную часть Европы, отступили назадъ и начали, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, а потомъ Тимура или Тамерлана, дважды опустошать Среднюю Азію, превращая въ безлюдныя степи ея цвѣтущія поселенія. Послѣ паденія Монгольского владычества въ концѣ XV вѣка, Узбекамъ удалось спаса захватить свое старое достояніе. Они утвердились въ ханствахъ Хивинскомъ и Бухарскомъ, но уже утратили совершение передачія прежней цивилизациіи, сохранивъ лишь дикія страсти насилия и грабежа, укоренившіяся въ периодъ послѣдней ихъ скитальческой жизни. Ничего не можетъ быть скучнѣе

*) Въ предыдущемъ № имя автора статьи: *Les Russes dans l'Asie Centrale* напечатано ошибочно; слѣдуетъ — *Emile Joncaux*.

и однообразиѣ послѣдующихъ событій исторической жизни главнѣйшихъ державъ Средней Азіи—Хивы, Кокана и Бухары. Вездѣ находимъ повтореніе однихъ и тѣхъ же явлений. Безсмысленный произволъ правительства, бунты и беспорядки при всякомъ повомъ переходѣ верховной власти, измѣны, предательства, возстанія вассальныхъ князьковъ, грабежи и набѣги на сосѣднія области наполняютъ лѣтописи ханствъ до недавней эпохи столкновенія ихъ съ русскимъ могуществомъ. Отъ древней цивилизациіи не осталось даже и слѣдовъ. Знаменитѣйшіе нѣкогда торговые центры Средней Азіи, Самарканда и Бухара, едва насчитываютъ нынѣ до 100 т. жителей вмѣстѣ. Пресловутое мануфактурное производство ханствъ, о которомъ говорятъ западные публицисты, заключается въ выѣлѣкѣ грубыхъ бумажныхъ тканей, способныхъ, благодаря единственнно своей дешевизнѣ, выносить конкуренцію съ англійскими издѣліями того же рода, и незначительного числа шелковыхъ матерій, потребляемыхъ мѣстною знатью. Главнѣйшее значеніе Бухары чисто религіозное, но и оно, постепенно возраста, сдѣлало изъ этого города средоточие необузданнѣйшаго фанатизма. Отецъ царствующаго Эмира первый положилъ основание той системѣ правительственного аскетизма, которая въ настоящее время достигла здѣсь самыхъ крайнихъ предѣловъ. Онъ весьма ловко умѣль эксплуатировать религіозную идею для достижения своихъ политическихъ цѣлей. Недовольный беспокойными вмѣшательствами въ общественные дѣла аристократіи (Сипаевъ или Сгиасовъ), онъ напустилъ на нихъ уличную чернь, предварительно настроенную дервишами, и Сипаи были истреблены, какъ противники правовѣрія. Послѣ уничтоженія этого оппозиціоннаго элемента, чудовищный деспотизмъ, тщательно облаченный въ форму аскетического благочестія, обращаетъ Бухарскую область въ какую-то уродливую религіозную общину, управляемую терроромъ ханжества. Малѣйшее несоблюденіе одного изъ виѣшнихъ пред-

писаний корана казнилось смертю. Такой ригоризмъ не препятствовалъ однакожъ богоизненому Эмиру содержать въ своемъ дворцѣ чудовищный гаремъ, составленный изъ сотни юношей, выбранныхъ изъ знатнѣйшихъ семействъ Бухары. Этому дикарю наслѣдовала сынъ его, нынѣшній Эмиръ-Моцаферъ-Ханъ. Истый фанатикъ, онъ продолжалъ систему отца нестолько изъ политическихъ видовъ, сколько изъ религіознаго убѣжденія и, можно сказать, ишелъ еще дальше по этому пути. Правительственные шпіоны наводняютъ государство, слѣдя за исправнымъ исполненіемъ предписаний благочестія. Одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ подвергся смертной казни, по обвиненію въ нескромномъ взглядѣ, брошенномъ на покрытую матрону. Еще недавно главнокомандующій бухарскими военными силами Шарукъ-Ханъ былъ лишенъ сана и подвергся изгнанію, несмотря на родство съ царствующимъ шахомъ, за постройку слишкомъ роскошнаго жилища. Поддержанию подобнаго духа много способствуетъ религіозное значеніе, которымъ обязана Бухара своимъ священнымъ гробницамъ. Тысячи богомольцевъ ежегодно отправляются на поклоненіе ея святынямъ. Этотъ бродячій людъ составляетъ закваску религіознаго фанатизма, покровительствуемаго правительствомъ; онъ еще болѣе усилился по занятіи русскими Хазрета, имѣвшаго такое религіозное значеніе. Шатающіеся святоши, поклонявшіеся здѣсь гробницѣ Хадиса-Авжета, перебрались въ Бухару вмѣстѣ съ своими собратьями другихъ мѣстностей, также покоренныхъ русскимъ оружіемъ. Эти толпы оборванныхъ и бродячихъ нищихъ наполняли площади Бухары, съ гамомъ и воплемъ, призываю правоѣрныхъ на защиту святыней. Производительные и рабочіе классы встрѣтили довольно равнодушно эти безумные вызовы; но неимущая масса охотно была готова двинуться впередъ, надѣясь лишь на какую нибудь поживу и добродушно полагаясь на завѣреія благочестивыхъ бого-

мольцевъ, что Фата (первая пѣснь корана), произнесенная съ вѣрой, сокрушить силы противника, а грошевою талисманъ предохранитъ отъ его картечъ и пуль. Вотъ съ какими жалкими и наивными убѣжденіями народы Средней Азіи выступили въ пагубную борьбу, увлеченные безсмысленнымъ и слѣпымъ фанатизмомъ своихъ правительствъ.

Изъ этого очерка нетрудно прійти къ убѣждению, что только полное, цѣлостное завоеваніе Бухаріи можетъ гарантировать намъ будущее спокойствіе и нормальное развитие приобрѣтенныхъ странъ. Пока Бухара сохранитъ свое настоящее религіозное значеніе, мы должны быть всегда готовыми, особенно въ эпоху ежегодныхъ поклоненій, видѣть на своихъ границахъ угрожающія фанатическая возстанія. Фактическое подтверждение этого положенія мы встрѣчаемъ на сѣверо-западной границѣ Индіи, где англійское правительство принуждено постоянно содержать сильный гарнизонъ для подавленія безпрерывно всыхивающимъ религіознымъ смутъ. Другая не менѣе побудительная причина заставляетъ желать полнаго покоренія этой страны русскому могуществу—въ видахъ цивилизаціи и чисто человѣческихъ интересовъ. Безнравственная торговля рабами, отчасти ослабѣвшая въ Турціи, благодаря вмѣшательствамъ христіанскихъ державъ, находила до сихъ поръ безопасный притокъ и выгодный сбытъ въ степяхъ Средней Азіи. Туркменцы, кочующіе на пространствѣ, пролегающемъ между Каспійскимъ моремъ и Аму-Даріей, обратили ловлю на людей въ постоянный и весьма выгодный промыселъ. Селенія Хоразана и Герата были до сей поры постояннymi жертвами ихъ хищныхъ набѣговъ. Несчастные, захваченные ими въ плѣнъ, безжалостно продавались на рынкахъ торговыхъ городовъ, а особенно Бухары, если не имѣли возможности внести требуемаго выкупа. Чтобы убѣдиться, до какой степени послѣствія этого промысла оказались гибельны и разорительны для прилегающихъ странъ, стоять только сравнить сказанія путешественниковъ прошлаго вѣка о сѣверо-восточной

части Персіи, нѣкогда цвѣтущей и населенной, съ настоящимъ безлюдіемъ и запустѣніемъ. Персидское правительство оказалось бессильнымъ оградить свои предѣлы и равнодушно смотрѣть на порабощеніе и продажу своихъ подданныхъ. Подобное равнодушіе было бы непростительно для государства цивилизованнаго и могущественнаго, подобнаго Россіи. Похищеніе и продажа нѣсколькихъ изъ нашихъ подданныхъ на хивинскихъ рынкахъ произвели первое серіозное столкновеніе съ ханствомъ Хивинскимъ, которое должно было прійти къ убѣждению, что подобнаго рода поступки не сойдутъ ему даромъ съ рукъ, и почувствовать значеніе русскаго могущества. Единственной радикальной мѣрой къ искорененію безнравственной промышленности Туркменцевъ можетъ служить только закрытіе главнаго рынка, гдѣ находитъ выгодный сбытъ ихъ человѣческій товаръ, т. е. окончательное присоединеніе Бухарскаго ханства къ Россійской имперіи. Безъ этого всякая попытка удержать хищниковъ окажется несостоительна. Туркменцы, вытѣсняемые изъ своихъ прикаспійскихъ кочевьевъ, найдутъ безопасное убѣжище въ стенахъ Бухары. Чтобы привести ихъ отказаться отъ весьма выгоднаго промысла, нужно уничтожить возможность сбыта, и тогда промыселъ падетъ самъ собою. Въ послѣднее время вопросъ о значеніи и правахъ національности былъ такъ часто, и порою некстати, возбуждаемъ, что нѣть ничего удивительного, если найдутся охотники пощеголять имъ и на этой почвѣ. Нужно ли, однако послѣ всего того, что былописано и говорено по этому поводу, снова доказывать и повторять, что географическая особенность не составляетъ еще исключительнаго права на политическую самостоятельность. Еще неумѣстнѣе было бы примѣнять этотъ вопросъ къ народу, явно показавшему свою нравственную несостоительность выработать собственными силами правильную форму государственного быта въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ самостоятельного существованія.

Д. Познякъ.

Мѣстное обозрѣніе.

Что такое Средняя Азія.—Экскурсіи въ исторію ея занятія.—Зачѣмъ пужна Средняя Азія для Россіи.—Что сдѣлано въ Средней Азіи.—Положеніе русскихъ въ Средней Азіи.—Хлопководство.—Желѣзныя дороги.

Что такое Средняя Азія?

Средняя Азія? Это, видите ли, есть такая... ну какъ вамъ сказать?.. Это какая то дикая, отдаленная страна, гдѣ живутъ киргизы, бухарцы, хивинцы, туркмены и другой разный инородецъ, ходить по пустыннымъ пескамъ поѣзда Закаспійской желѣзной дороги, тлнутся вереницы уродливыхъ верблюдовъ; взять оттуда хлопокъ, ковры и еще что-то эдакое бухарское... Есть тамъ г. Ташкентъ, въ которомъ живутъ ташкентцы, известные больше по щедринскимъ сатирамъ; есть г. Самаркандъ, славящійся какими то историческими остатками. Есть и еще что то, но все, знаете, эдакое дикое, пустынное, словомъ азіатское...

Вотъ что отвѣтять вамъ приблизительно девять десятыхъ изъ числа такъ называемыхъ „среднихъ читателей“ Россіи, воспитанныхъ въ понятіяхъ о средне-азіатской окраинѣ на краткихъ учебникахъ географіи, на рисункахъ художника Каразина, на газетныхъ корреспонденціяхъ и тому подобномъ матеріалѣ. Такой взглядъ впрочемъ чрезвычайно естественъ. Россія такъ велика, что трудно знать всѣ ея болѣе замѣтныя части, не говоря уже

объ „отдаленныхъ окраинахъ“, всегда достаточно дикихъ, мало-населенныхъ, пустынныхъ. Въ нихъ россійскому человѣку пользя „ѣздить“, какъ онъ єздить напримѣръ въ Крымъ, на Кавказъ, въ Польшу; въ „отдаленныя окраины“ можно только „путешествовать“, какъ путешествуютъ за границу, во внутреннюю Африку, къ сѣверному полюсу... А разъ дѣло сводится къ путешествіямъ, то свѣденія о странѣ получаются все больше съ оттѣнкомъ таинственности, интересныхъ приключеній и даже нѣкотораго геройства... Не угодно ли почитать, что наговорилъ о своемъ путешествіи въ Среднюю Азію всѣмъ извѣстный Евгений Марковъ. Вирочемъ это тоже просто и естественно. О мѣстности, въ которую только „ѣздятъ“, говорять кратко и даже равнодушно, о мѣстности, въ которую „путешествуютъ“, попеволѣ приходится говорить и занимательно и подробно, потому что о ней имѣть мало свѣденій не только читатель, но и прѣхавшій путешественникъ, а часто даже и самъ обитатель ся.

Не угодно ли спросить средне-азіатца: что такое Средняя Азія? Большинство только дико на васъ посмотритъ, а малое меньшинство изъ отдѣла „среднихъ читателей“ ласть вамъ отвѣтъ не сразу, а порывшись въ памяти и потрудивъ соображеніе. Средняя Азія? Это, собственно говоря, есть не болѣе какъ географическій терминъ, встрѣчающійся въ книжкахъ и вводимый въ употребленіе разными досужими людьми, гоняющимися за новостью и оригинальностью. На практикѣ никакой Средней Азии нѣть, а есть Туркестанъ, или иначе Туркестанскій край, затѣмъ Закаспійская область, потомъ „сопредѣльные ханства“ Бухарское, Хивинское, а можетъ быть Семирѣчье и Афганистанъ. Да именно можетъ быть... Ну а Кашгаръ? Да вотъ еще Кашгаръ развѣ.. Но позвольте, Кашгаръ—это что то уже китайское...

Словомъ даже и для самого средне-азіатца требуется книжка, какойнибудь учебникъ географіи „для низшихъ классовъ“, или же столь любимый и авторитетный Реклю, трактующій объ отдаленныхъ странахъ не менѣе отдаленнымъ свѣденіямъ,

Но что же такое Средняя Азія?

Средняя Азія — это страна длинного и туманного прошлого, недурнаго настоящаго и большаго будущаго.

Отбивааемая въ свое мѣсто стремлениемъ на западъ и часто тамъ тѣснившая Россія уже много вѣковъ легко и безпрепятственно расширяется на востокъ, встрѣчая здѣсь только одни неизвѣстныя пространства, а не людей, которые могли бы за себя постоять. И замѣчательно, чѣмъ сильнѣе неудача на западѣ, тѣмъ энергичнѣе ея наступленія на востокъ. Точно сильно отбитый откатывающійся шаръ. Укажемъ хотя на два случая. Послѣ сильныхъ неудачъ Ивана Васильевича Грознаго на западѣ Ермакъ Тимофеевичъ „прорубаетъ окно“ въ огромную и богатую Сибирь; послѣ Крымской кампаніи то же дѣлаетъ М. Г. Черняевъ въ Средней Азіи. Но такъ какъ русскіе отступаютъ очень рѣдко, какъ говорить извѣстный Вамбери, то для насъ важны первыя шаги смѣлыхъ и талантливыхъ русскихъ людей, чтобы мы потомъ легко дошли „до предѣла“. Въ Сибири мы перешагнули даже за море и если отступили, то во первыхъ не подъ давлениемъ чьей либо силы, а во вторыхъ вовсе недаромъ, а по выгодной сдѣлкѣ. Въ Средней Азіи никакихъ отступленій не предвидится; надобности въ этомъ нѣть, да и не предъ кѣмъ. Она занята основательно и прочно и по существу дѣла есть русская провинція, хотя пока и съ перусскимъ населеніемъ.

Коснувшись исторіи, обратимъ также вниманіе на то, что занятіе Россіею восточныхъ странъ рѣдко сопровождалось строго обдуманными заранѣе планами, а больше случайными обстоятельствами, и есть результатъ самодѣятельности и предпріимчивости людей, выступавшихъ въ полѣ для сравнительно маленькихъ цѣлей. Такъ Ермакъ пошелъ за Уральскій хребетъ главнымъ образомъ затѣмъ, что-бы наказать „царя сибирскаго“ за беспокойство, которое причинили его подданные строгоновскими солевариямъ; генералъ Черняевъ выступилъ для того, чтобы на югѣ Киргизскихъ степей „сокрушить“ далеко вытянувшіяся линіи сибирскую и сырдарьинскую. Если бы въ обоихъ случаяхъ были предварительно

обдуманы планы, то Ермакъ не пошелъ бы на „цѣлое царство“ съ сотнею людей, М. Г. Чёрнцеву дали бы побольше батальоновъ и получше оружіе, а не пушки „отечественной войны 12 года“, какъ онъ разсказываетъ самъ объ этомъ. Оба указанныя дѣла сдѣланы творившими ихъ безсознательно, случайно и есть результатъ массы мелкихъ случайностей, толкавшихъ дѣятелей впередъ, а не результатъ глубокой обдуманности и тѣмъ болѣе геніальности.

Но какъ бы то ни было, а мы заняли Среднюю Азію и первымъ долгомъ начали ругаться во всѣхъ журналахъ и газетахъ: и пустынная-то она, и дикая, и казнѣ дорого обходится, словомъ яйца выѣденного не стоитъ... Много словъ и гражданской скорби на это потратили, даже „ташкентца“ стремились превратить въ нѣчто нарицательное съ отрицательными качествами... И вы думаете, что однѣ только газеты и журналы ругались, ругались, такъ сказать, печатно? Нѣтъ, руготня шла не одна печатная, шла руготня и словесная: ругались мы, туркестанцы прежнихъ временъ, хоть не всѣ, конечно, но во всякомъ случаѣ большинство. Вызывалась вслѣ эта руготня, и печатная и словесная, во первыхъ исконнымъ русскимъ легкомысліемъ и привычкою приходить къ весьма скорымъ решеніямъ и притомъ въ формѣ безповоротной, а во вторыхъ незнаніемъ страны, которую заняли. Прійдя сюда, мы очень скоро рѣшили, что Средняя Азія — это сплошная, никуда негодная пустыня съ маленькими оазисами, рѣдко вкрашенными въ море песковъ и солончаковъ. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Такъ то оно такъ, да не совсѣмъ.

Что въ Средней Азіи много абсолютныхъ пустынь, занятыхъ бесплодными и безводными солончаками, глинистыми степями (такирами) и заваленныхъ песками, совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что среди этихъ пустынь,годныхъ только для полудикихъnomадовъ, вкрашены не маленькие, а огромные оазисы, изобилующіе плодороднѣйшими въ мірѣ почвами и оросительною водою, безъ которой здѣсь каждая местность, исключая горъ, почти бесплодна. При занятіи Средней Азіи подобные оазисы мы нашли пустынными и безъ дальнихъ разгово-

ровъ причислили ихъ къ разряду абсолютныхъ пустынь, вродъ той, по которой тянется Закаспійская желѣзная дорога. На самомъ же дѣлѣ это не абсолютные пустыни, а только мѣстности запустошенныя вслѣдствіе чисто историческихъ причинъ, какъ напримѣръ запустошена славная въ древности Месопотамія. Такихъ запустошенныхъ мѣстностей въ Средней Азіи весьма много. Къ числу ихъ принадлежатъ Мерскій оазисъ, берега р. Аму-Дары отъ линіи горъ до Аральского моря, берега р. Сыръ-Дары отъ Ферганской долины до ея устья, берега р. Чу почти на всемъ ея протяженіи, Джизакская голодная степь и проч. Всѣ эти мѣстности обладаютъ сотнями тысячъ десятинъ плодородной почвы, огромнымъ запасомъ оросительной воды; всѣ они изрѣзаны разрушенными оросительными каналами, завалены остатками городовъ и поселеній; всѣ они кормили ранѣе миллионы людей, которые жили богато, привлекая къ себѣ алчные взгляды всемирно известныхъ завоевателей, начиная съ Кира, какъ привлекала ихъ Индія. Достаточно хоть этого указанія, чтобы понять, что Средняя Азія не сплошная, никуда негодная пустыня, а нѣчто такое, для завоеванія и грабежа котораго стоило двигать войска изъ дальнихъ Византіи, Аравіи и Монголіи, нѣчто достойное вниманія. Вотъ такія то ея достоинства, а вовсе не ея недостатки, погубили страну, привлекая въ теченіе столѣтій къ себѣ алчныхъ дикарей, какъ привлекали къ себѣ Сирія и Египетъ.

Мы, русскіе, послѣдній народъ, занявший Среднюю Азію; намъ достались жалкіе обломки старой культуры. Если смотрѣть на дѣло съ точки зреія немедленного полученія крупнаго процента на затраченный капиталъ, то послѣднее пожалуй и досадно, а особенно если сравнить себя съ прежними завоевателями и съ англичанами въ Индіи. Всѣ они затрачивали мало, а получали много и при томъ немедленно. Но если смотрѣть съ точки зреія нормального, здороваго роста государства, то, такъ сказать, временная досада должна уступить свое мѣсто довольству. Для государства большое счастье, что оно занимаетъ не Индію съ многомилліоннымъ туземнымъ населеніемъ. всегда стоявшимъ

бросить иноземное владычество, а пустынныя Сибири, Новороссіи, Среднія Азіи, гдѣ туземное населеніе нисколько не мѣшаетъ со- здать чисто русскія области, прилѣпленныя къ ядру не десят- комъ батальоновъ и исправниковъ, а миллионами чисто русскихъ людей, среди коихъ потонетъ туземное населеніе, какъ оно по-тонуло въ Новороссіи, на Волгѣ, въ Казани, Башкиріи и другихъ мѣстахъ. Вотъ тотъ процентъ, который получить Россія съ Сред-ней Азіи и онъ будетъ значительно больше того, какой полу-чила Англія съ пресловутой Индіи. Индія вѣчно останется Ин-дію, висящею на кончикѣ англійского штыка (и долго ли она провиситъ?), Средняя же Азія, чрезъ какую нибудь сотню лѣтъ, будетъ русскою провинціею, какъ чрезъ десятокъ лѣтъ всего ею стало дикое и пустынное Семирѣчье, Семирѣчье, созданное при- томъ трудами только одного русского человѣка, дѣлавшаго свое дѣло скромно и незамѣтно, трудившагося не только „за честь, но и за совѣсть“... А развѣ русская земля оскудѣла русскими людьми?

Занятіе Средней Азіи имѣть не одно только политическое значеніе, какъ принято думать до сей поры; оно имѣть огром-ное, доминирующее экономическое значеніе. Россія, какъ государ-ство сѣверное, обладаетъ произведеніями сѣвера, а потому сильно нуждается въ недостающихъ ей произведеніяхъ теплого юга, по-чему присоединить къ Крыму и Закавказью еще Среднюю Азію съ пограничною чертою до 38° с. ш. не только не лишнее, но даже необходимо. Эта страна обладаетъ теплымъ климатомъ, а оазисы ея достаточнымъ многоводіемъ для орошенія и богатѣй-шею въ мірѣ почвою — лесомъ или желтоземомъ,—на которой Китай, напримѣръ, ухитряется прокармливать сотню человѣкъ на такомъ квадратномъ пространствѣ, на которомъ въ Россіи если не умретъ съ голода, то неособенно разжирѣть и одна семья. Въ южныхъ оазисахъ здѣсь силоши да рядомъ снимается по два урожая въ лѣто; здѣсь не бываетъ, да и не можетъ быть сплошныхъ неурожаевъ по всей странѣ, а въ крайнемъ случаѣ можетъ случиться пониженіе урожаевъ противъ нормали, что при устройствѣ путей сообщенія вовсе не страшно. Страна, бла-

годаря земледѣлію съ орошениемъ, никогда не потребуетъ много-миліонныхъ затратъ на прокормленіе населенія и разныя ссуды, какъ это недавно было во внутренней Россіи; она всегда обойдется своимъ хлѣбомъ, только превратите теперешнія пустынныя земли въ жилыя мѣста, а не кочевки полудикихъ номадовъ, эксплоатирующихъ тучныя почвы подъ выпаску барановъ и плохихъ лошадей. Заселите эти земли земледѣльцами и вы получите „драгоценную жемчужину, оправленную въ золото песковъ“, какъ выражался одинъ изъ высокопоставленныхъ застольныхъ ораторовъ, заглянувшій сюда и внимательно осмотрѣвшій забракованную раиѣ Среднюю Азію.

Но что же сдѣлано въ Средней Азіи какъ метрополію, такъ равно и ея сыпами, высланными сюда не только на свое собственное, личное дѣло, но и на дѣло общегосударственное? Сдѣлано и много и мало—какъ смотрѣть на это. Если принять во вниманіе время, то сдѣлано очень много, а если принять во внимание количество сдѣланного и предстоящей работы, то пожалуй и мало. Въ послѣдніемъ метрополія навѣрное сосчитаетъ себя въ сторонѣ: вамъ де поручено дѣло, вы и дѣлайте, потому не могу же я за васъ работать; моя обязанность направлять васъ и помогать вамъ; если же вы, напримѣръ, не просите помощи, то „дитя не плачеть — мать не разумѣеть“, говорить пословица... Положимъ хоть и такъ—мы сдѣлали мало, но можно ли пасъ винить въ этомъ? Думаемъ, что было бы жестоко и несправедливо, потому что къ настоящему то дѣлу мы приступили всего съ десятокъ лѣтъ тому назадъ. Со дня взятія Ташкента протекло тридцать лѣтъ, изъ коихъ первыя двадцать лѣтъ должны быть, почти всецѣло, отнесены къ періоду героическому, когда мы все только покоряли, усмиряли, присоединяли, брали области и контрибуціи, получали бѣлые и черные кресты и нерѣдко ломали головы надъ вопросомъ, съ какою разумною будущею цѣлію мы все это дѣлаемъ? Этотъ періодъ характеризуется фигурою красавицы Славы съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и громкою трубою въ рукахъ, въ прозрачныхъ ризахъ парившей надъ мяту-

щимся людомъ.. Послѣ Кушки и постройки Закаспійской же-лѣзной дороги легкомысленная Слава исчезла въ облакахъ; вмѣсто ея появилась кроткая богиня Мира съ оливковою вѣтвью въ руکѣ, а за нею другіе боги и богини: Меркурій, Церера, Фемида, Вулканъ и проч.; словомъ появилась серьезная, дѣловая часть Олимпа, вмѣстѣ съ Афиною-Минервою, которая однако иногда не можетъ отдѣлаться отъ вѣчно сопровождающаго ее гриласника Момуса въ шутовской шапкѣ .. Послѣднее, впрочемъ, черта обще-человѣческая и умъ какъ одиночный, такъ и колективный всегда способенъ на ошибки.

Что же мы однако сдѣлали въ указанныя 30 лѣтъ? Лично мы, средне-азіатцы, сдѣлали пока два большихъ дѣла, и сдѣлали своими собственными силами. Первое и самое важное дѣло чисто государственное—это то, что мы съумѣли стать здѣсь твердо, грозно и весьма авторитетно. Свою культурою и правственною силою всего въ тридцать лѣтъ мы пріучили полудикаго средне-азіатского туземца смотрѣть на насть какъ на распорядителей и устроителей его судьбы, чѣмъ далеко превзошли кавказцевъ. Туземное населеніе какъ русскихъ областей, такъ равно и „сопредѣльныхъ ханствъ“ давно перековало „мечи на орала и копья на серпы“. Въ Средней Азіи нѣтъ ничего подобнаго, что творится на Кавказѣ, гдѣ существуютъ разбои и пабѣги, отъ которыхъ не застрахованы даже поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Нашъ авторитетъ, созданный во время паренія надъ страною красавицы Славы, наше знаніе характера туземца, умѣніе обращаться съ нимъ, гуманное отношеніе къ нему, присущія какъ высшему, такъ и нисшему изъ насть, все это создало такое положеніе, что туземцы относятся къ намъ довѣрчиво, спокойно и радушно. Мы для нихъ высшая раса, но не горда, заносчивая, а такая, съ которой можно имѣть дѣло безъ обидъ и униженій. Въ общей массѣ между нами и туземцами существуютъ самыя дружескія, мирные отношенія и мы входимъ въ распорядки не силою, а простымъ уменьшемъ распорядиться. Такъ, туземцы нападаютъ простыхъ мужиковъ, напримѣръ, для распорядка оросительною водою въ своихъ сelaхъ

и аулахъ, а бродячій уралецъ властно шумить и командуетъ въ аулѣ хивинскихъ туркменъ, этихъ исконныхъ и своевольныхъ разбойниковъ... Многіе изъ насъ разбросались въ одиночку по степямъ и пустынямъ и въ густой средѣ осѣдлаго населенія и никому въ голову не приходитъ, что-бы можно было потерять жизнь изъ за политической, или племенной вражды. Достойно замѣчанія, что послѣдній русскій убить туземцемъ, да и то съ цѣллю грабежа, лѣтъ 7—8 тому назадъ. Словомъ мы здѣсь чувствуемъ себя такъ же безопасно и спокойно, какъ въ любой изъ губерній внутренней Россіи и даже пожалуй и безопаснѣе, потому что русскій „придорожный молодецъ“ куда отважнѣе и храбрѣе грабителя сарта, узбека и киргиза. Поэтому намъ кажутся смѣшнымы страхи разныхъ путешественниковъ, пугающихъ мохнатыхъ туркменскихъ или хивинскихъ шапокъ-пашахъ и темныхъ, закопченныхъ узбекскихъ и киргизскихъ лицъ. Мохнатыя папахи при соотвѣтствующей глухой обстановкѣ пустыни или горъ можетъ быть страшны на Кавказѣ, но никакъ не въ Средней Азіи.

Второе наше большое дѣло, это то, что мы привили и развили въ Средней Азіи культуру американского хлопчатника, постепенно вытесняющаго азіатскій низкопробный хлопокъ. Ранѣе только этотъ сортъ хлопка вывозился отсюда въ количествѣ 500—600 тысячъ шудовъ въ видѣ волокна сквернѣйшей ручной очистки въ несуразныхъ верблюжьихъ кипахъ, вмѣстѣ съ пескомъ, пылью, навозомъ, конскими и бараньими костями, прибавлявшимися въ кипы для вѣса... Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ мы быстро развили посѣзы американскихъ сортовъ и теперь высылаемъ на московскія и лодзинскія фабрики до 3-хъ миллиновъ высокопробнаго, хорошо очищенаго и укупореннаго волокна, вырвавъ такимъ образомъ у американцевъ и ливерпульскихъ комиссіонеровъ зубъ въ 30 миллионъ золотомъ и сохранивъ эти деньги въ карманахъ россійскихъ подданныхъ. Полагаемъ что это заслуга во первыхъ страны, огульно ранѣе забракованной, а во вторыхъ населенія ея, выказавшаго самодѣятельность и предпріимчивость. Надъ развитіемъ хлопковаго дѣла трудились и тру-

дятся представители населенія безъ различія „племенъ, нарѣчій, состояній“, начиная съ скучастаго, прокопченаго дымомъ киргиза и кончая интеллигентомъ съ знакомъ ученой степени на мундирѣ, или университетскимъ значкомъ на фракѣ. Это работа общая, обща и заслуга предъ дѣломъ экономического развитія Россіи.

Но нужно однако предполагать, что мы, сдѣлавъ только два дѣла, думаемъ носиться съ ними, какъ умники съ писаною турбою и бахвалиться, что вотъ де и мы не лыкомъ шиты и пронасъ въ Москвѣ въ лапти звонятъ... Мы далеки отъ мысли курить себѣ и нашимъ дѣятелямъ фимиамы, а заявляемъ только голые, или выражалась языкомъ сентиментальныхъ газетныхъ репортёровъ, „отрадные“ факты. Выражаясь въ томъ же стилѣ, мы должны сказать, что у насъ много „грустныхъ“ и „печальныхъ“ фактовъ, потому что гдѣ-же ихъ нѣть? Къ разряду такихъ „грустныхъ“ фактовъ нужно отнести то, что по многимъ дѣламъ мы сдѣлали мало, потому что для насъ мало сдѣлали. Мы очень молодая колонія, едва встающая и не укрѣшившаяся еще на ногахъ (что значитъ въ жизни страны 10—20 лѣтъ?), почему естественно требуемъ помощи со стороны „мамы“, т. е. нашей метрополіи. А наша „мама“ только въ послѣдній десятокъ лѣтъ начала обращать на насъ вниманіе, хотя мы громко требовали его къ себѣ и раньше. Но у нашей „мамы“ столько беспомощныхъ, ползающихъ дѣтей, что всѣхъ сразу на ноги не поставишь. Положимъ что такъ, съ „мамою“ спорить не приходится, но...

Вотъ хотя бы взять пути сообщенія, эти первы каждой страны, артеріи, безъ которыхъ правильный ростъ ея тѣла невозможенъ. Путей сообщенія у насъ годныхъ мало, мѣстами онѣ крайне плохи, а мѣстами ихъ нѣть и вовсе. Сами мы справляться съ ихъ благоустройствомъ не можемъ—ни силъ, ни денегъ нѣть, а „дистанціи все огромнаго размѣра“. Выстроила намъ наша метрополія Закаспійскую желѣзную дорогу, это чудо смѣлости и искусства, но выстроила ее не спросивши насъ, а по какимъ то своимъ соображеніямъ, стратегическимъ или тамъ „ака-

демическимъ", а далеко не по нашимъ экономическимъ. Порѣшили строить далѣе и оять по своимъ соображеніямъ, памъ несомнѣнно понятнымъ. Почему, напримѣръ, проектирована линія отъ Самарканда въ Фергану, а на Ташкентъ только вѣтвь? Конечно и на этомъ пока спасибо, дареному коню въ зубы не смотрять, но думаемъ, что затрачивать деньги всегда нужно выгодно и производительно.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги напоминаетъ ту случайность предпріятій русскихъ людей, на которую указывалось выше. Первоначально проектировавшимъ ее, вѣроятно, и въ голову не могло прійти, что она дойдетъ современемъ до Самарканда и даже до Фергана, какъ не могло прійти въ голову Ермаку, что его послѣдователи не только дойдутъ до Амурь-рѣки и Камчатки, но и перешагнутъ на море. Какъ известно первоначально была проектирована короткая военная линія съ единственою цѣлію облегченія завоеванія Ахалъ-Текинскаго оазиса, сильно сопротивлявшагося послѣ пораженія подъ Геокъ-тепе генерала Ломакина. Но неожиданное занятіе Мервскаго оазиса и энергія генерала Аненкова довели дорогу до Самарканда и такимъ образомъ Средняя Азія получила свою желѣзную дорогу. Но свою ли па самомъ дѣлѣ? Думаемъ, что нѣтъ. Вотъ что говорятъ по этому поводу *Туркестанская Вѣдомость*, газета всегда хорошо осведомленная по мѣстнымъ вопросамъ:

„Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, стѣршей для торговли съ карты пустыню, быстро переродило нашу окраину изъ ничтожной въ экономическомъ отношеніи провинціи въ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей государственной территории. Но эта дорога, сдѣлавъ свое дѣло, въ настоящее время уже не удовлетворяетъ нашей потребности въ путяхъ сообщенія, ибо служить только для сношеній съ Европейской Россіей, да и для этой цѣли она неудобна по своей кружности и потому, что прерывается Каспійскимъ моремъ. Это послѣднее обстоятельство и потребность не только мѣстная, но и общегосударственная, соединить Туркестанъ съ Сибирью, настойчиво требуютъ проложенія рельсоваго

пути изъ Средней Азии на съверь. Объ этомъ говорять и просятъ туркестанцы, объ этомъ ходатайствуютъ ирбитскіе купцы, объ этомъ поднимаютъ вопросъ въ другихъ мѣстахъ, это, наконецъ, въ принципѣ решено въ высшихъ правительстенныхъ сферахъ, гдѣ, какъ намъ известно изъ хорошаго источника, собираются уже данные для решения вопроса о направлении будущей желѣзной дороги. Вопросъ этотъ — очень важный вопросъ и ошибочное его решеніе было бы трудно поправимо. Въ стремлениі по мѣрѣ силъ содѣйствовать выясненію обстоятельствъ дѣла, мы помѣстили рядъ статей, написанныхъ по этому поводу. Авторы ихъ, безусловно соглашаясь съ нами и между собою, что желѣзная дорога изъ Ташкента на съверъ положительно необходима, стоятъ за рельсовый путь на Оренбургъ съ вѣтвью на Челябинскъ“ *).

Вотъ именно. Линія на Оренбургъ изъ Ташкента, или изъ другаго какого-либо пункта, будетъ *нашою* средне-азіатскою дорогою по преимуществу, такъ какъ непосредственно свяжетъ насъ съ метрополіею, удешевивъ чуть не вдвое перевозку какъ нашихъ грузовъ, такъ равно и идущихъ къ намъ. Послѣднее также важно какъ и первое для экономическихъ интересовъ метрополіи и колоніи. Нужно замѣтить, что наше сырье перерабатывается на фабрикахъ внутренней Россіи и переработанное идетъ къ намъ обратно въ огромномъ количествѣ. Какъ на болѣе яркій, всѣмъ бросающійся въ глаза, примѣръ укажемъ на то, что почти вся Средняя Азія одѣвается въ московскіе ситцы, сукна и другія матеріи, пьеть чай изъ тульскихъ самоваровъ и мальцевскаго, кузнецovскаго и пр. фабрикъ фаянса, варитъ пищу въ тагильскихъ котлахъ и т. д. Въ настоящее время одна часть товаровъ идетъ сюда чрезъ Кавказъ и Каспійское море, обладающее слабымъ и плохимъ флотомъ и кладущимъ на грузы крупный процентъ кружностью пути, перегрузками и затяжкими сроками доставки. Сибирскіе товары, безъ которыхъ средне-азіатецъ рѣши-

*) „Туркест. Вѣдом.“ № 20, 1896 г.

тельно обойтись не можетъ, везутся къ намъ при помоши пресловутаго „карабля пустыни“, дѣлающаго съ дневками и остановками въ общей сложности не болѣе 15 верстъ въ день, а то и менѣе, если его косоглазый хозяинъ вздумаетъ покочевать въ стояньяхъ, что случается весьма нерѣдко.

Линія на Оренбургъ представляетъ несомнѣнныя выгоды не только для Средней Азіи, но и для внутренней Россіи и Сибири, отрѣзанной теперь отъ насъ огромными пространствами и получающей, напримѣръ, рисъ изъ Малой Азіи по 15—20 к. за фунтъ, когда у насъ ему цѣна отъ 2 до 4 коп. Съ Сибирью насъ связываетъ небольшая, сравнительно, линія, взятая или отъ Оренбурга, или же отъ Орска, и выведенная на Челябинскъ—точку соединенія съ Великимъ сибирскимъ желѣзнодорожнымъ путемъ.

Впрочемъ устройство будущихъ правильныхъ путей сообщенія для Средней Азіи, вопросъ обширный, требующій внимательнаго, хладнокровнаго къ себѣ отношенія, что бы опять не впасть въ ошибку. Мы вполнѣ присоединяемся къ мысли *Туркестан*. *Вѣдом.*, что прежде нежели предпринимать что-либо по этому дѣлу, необходимо выработать детально общій планъ, взвѣшивъ всѣ экономическія условія мѣстностей, которыхъ предполагается освѣтить новыми линіями дорогъ*). Для насъ время случайныхъ предпріятій уже прошло, такъ какъ страну и ея насущныя потребности мы всетаки успѣли изучить, почему въ правѣ требовать вниманія къ нашему голосу. Въ столицѣ можетъ казаться простымъ и понятнымъ проложеніе магистральной линіи отъ Самарканда въ Фергану съ вѣтвью на Ташкентъ, но, извините, эта вѣтвь рѣжетъ наше ухо своею видимою необдуманностью, случайностью проекта, если можно такъ выражаться. Экономическія условія Средней Азіи требуютъ совсѣмъ обратнаго, именно магистрали на Ташкентъ и вѣтви на Фергану.

Кромѣ дорожнаго дѣла въ Средней Азіи имѣется множество другихъ дѣлъ, или, выражаясь газетнымъ языкомъ, вопросовъ,

какъ важныхъ, такъ и не особенно важныхъ, какъ начатыхъ уже, такъ и ждущихъ своей очереди. Къ дѣламъ важнымъ и начатымъ можно причислить слѣдующія: дѣло колонизаціи русскихъ областей русскимъ элементомъ и ассимиляціи туземцевъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи, дѣло ирригационное по отношенію запустошенныхъ мѣстностей для русскихъ колонистовъ, дѣло народнаго просвѣщенія, развитіе торговли и промышленности, поземельное дѣло и проч. Къ не начатымъ еще важнымъ дѣламъ можно причислить миссіонерское, давно назревшее и ожидающее постановки на очередь.

На всѣ эти дѣла мы надѣемся обратить вниманіе читателей въ слѣдующихъ книжкахъ нашего скромнаго журнала.

Наше неложеніе въ Средней Азіи.

Если обобщить всю нашу политику въ Средней Азіи, съ XVI-го вѣка и по днесъ, то основной нашей задачей было исканіе добрососѣдскихъ отношеній. Мы покорили татарскія царства на Волгѣ только потому, что иными путемъ этихъ добрососѣдскихъ отношеній съ нашими недавними господами и завоевателями добиться было бы невозможно. Вѣчно пришлось бы ждать что эти блекнувшія царства съ каждымъ приливомъ съюзныхъ силъ изъ Средней Азіи сами бы перешли въ наступленіе на насъ.

За татарами съ вкрапленными въ нихъ черемисами, башкирцами и проч., лежалъ огромный съверъ Средней Азіи, Киргизскій и Калмыцкій край, Хива, Коканъ и Бухара считала этотъ край такимъ же „своимъ“ вассаломъ, какимъ Англія считаетъ теперь Авганистанъ.

Десятки и сотни лѣтъ наша совѣстливая политика изощрялась въ мѣрахъ кротости и строгости, прежде чѣмъ были установлены добрососѣднія отношенія съ киргизами. Причёмъ только послѣ полнаго покоренія, на которое со скорбью въ сердцѣ и публичнымъ покаяніемъ на весь свѣтъ рѣшилась наша совѣстливая политика. Какую войну вынесли передъ этимъ наши дипломаты со своими военными генераль-губернаторами въ Средней Азіи,

давно требовавшими радикальныхъ мѣръ!

Совершенно же такими же путями шло установлѣніе этихъ же добрососѣдскихъ отношеній съ Хивой, Бухарой, и Коканомъ! Бухара и Хива получили долю полнѣйшей свободы своей ужъ послѣ полнаго покоренія. Это былъ особый шагъ нашей политики, причины котораго не столько скрыты, сколько трудно понятны, сложны и запутаны. Даже знающему ихъ въ точности, пришлось бы исписать добрый листъ бумаги, чтобы сколько нибудь пояснить. Когда одного бухарского политика спросили о мнѣніи на этотъ счетъ, онъ отвѣталъ, облекши отвѣтъ свой въ цвѣты ораторскаго краснорѣчія и загадочности притчъ.

Онъ сказалъ: если Авганистанъ—левъ, приученный Британіей, то Бухара—смиренная кошка, заведенная Россіей.... Богъ создалъ кошку, чтобы человѣкъ могъ воображать, что гладить тигра. Такимъ образомъ, создавая своихъ средне-азіатскихъ вассаловъ, Россія будто бы хотѣла завести свой „Авганистанъ“, „по англійски“.... Что мы играли въ вассалы-неподлежитъ сомнѣнію. Не успѣли въ Бухарѣ „просохнуть“ такъ сказать потоки крови, пролитой нашимъ завоеваніемъ, и не успѣли „стереться“ въ дорогѣ ея слѣды нашихъ боевыхъ и походныхъ колоннъ, какъ онъ, вернувъ ей свободу, далъ рядное доказательство ея неприкосновенности. Это было въ походѣ, завоевавшій Хиву. Туда вели дороги по страшнымъ пустынямъ, имена которыхъ—„погибель человѣка“ (Адамъ-Крылганъ), кромѣ одной, шедшей вдоль берега Аму-Дарьи, начинаясь въ Бухарѣ. Казалось бы, какой еще другой услуги ждать отъ союзника и тѣмъ болѣе отъ вассала, какъ не пригла-

шенія: идите къ Хиву по „моей“ дорогѣ. Это приглашениe и сдѣлала Бухара. Но мы ей сказали: „что ты, голубушка! это можетъ скомпрометировать твою независимость“... И наши войска, шедшие изъ Тукрестана, чуть не погибли въ пескахъ, идя отъ струй Аму-Дарьинскихъ столь далеко въ пустынѣ, сколько нужно было, чтобы по самой мелкой географической картѣ нельзя было бы считать бухарскія владѣнія занятыми нашимъ походомъ“... Мы только назадъ разрѣшили себя согласиться прихватить краешекъ Бухары....

Опять таки я вовсе не точу зубы на Бухарскую независимость: столь большой „баринъ“, какъ Россія, вправѣ позволять себѣ какую угодно роскошь... Я только хотѣль напомнить, что эта независимость *искусственна* и явилась послѣ установленія съ этимъ государствомъ нашихъ добрососѣдскихъ отношеній путемъ полнаго зевоеванія, послѣ истощенія всѣхъ мѣръ кротости и строгости. Но каждый *искусственный* шагъ чреватъ дальнѣйшими неудобствами, разсѣкать которыя приходится всегда „грубовато“. Подготовка Среднеазіатского фронта на случай войны съ англо-авганцами вынудила насъ на двѣ такихъ грубости; провести средне-азіатской ж. дороги черезъ Бухару и занятіе Чарджуя, Керковъ и особенно Термеза съ учрежденіемъ къ нимъ дорогъ: водной по Аму-Дарьѣ и сухопутной отъ Самарканда, по Бухарѣ-жс... Но то ли еще будетъ, если бы населенію Бухары взбрело въ голову получить *представительный* образъ правленія....

И вотъ сколько намучилась русская Стратегія съ песками Адамъ-Крылганъ, столько же предстоитъ опасной возни министерству внутреннихъ дѣлъ съ этой эманципированной подругой

русской вѣшной политики, Бухарой... Дай Богъ, чтобы мы ошиблись! Вернемся къ добрососѣдскимъ *отношеніямъ* съ Авганистаномъ.

Если у англичанина, проживающаго въ Бухарѣ (а у меня былъ такой знакомецъ) выйдетъ *непріятность* съ бухарцами, то стоитъ только или позвонить по телефону къ русскому агенту или просто пригрозить русскимъ *именемъ* и всѣ интересы англичанина тотчасъ будутъ защищены со скоростью „электрическаго“ тока! Я утверждаю, что это есть *добрососѣднія* отношенія наши и нашего вассала, Бухары къ иностранцамъ. Тоже самое творится быстро и нелицепріятно по каждой жалобѣ авганцевъ *пограничныхъ* и приходящихъ къ намъ...

Не то происходитъ съ нашими интересами! Я приведу реальный примѣръ. Авганцы, положимъ обязались, не выводить изъ р. Кушки, берущей начало въ ихъ владѣніяхъ, ни одной лишней оросительной канавы, чтобы не лишать воды наши поселки по той же

рѣкѣ. Однако идутъ годы, обязательство забывается вольно и невольно, р. Кушка становится все худосочнѣе, а урожай нашихъ полей все мизернѣе... А такъ какъ мы не имѣемъ права входа въ Авганистанъ, то чтобы прослѣдить причину худосочія Кушки должны снарядить туда шпиона. Изъ донесенія этого агента мы, положимъ усматриваемъ, что Кушка сохнетъ отъ лишнихъ *незаконныхъ* канавъ. Мы пишемъ протестъ сосѣднему авганскому начальнику. Онъ отсылаетъ его въ Гератъ, Гератъ—въ Кабулъ, Кабулъ—въ Индію, Индія въ Лондонъ, Лондонъ въ Петербургъ... А Петербургъ пишетъ на Кушку: „кто смѣлъ безъ разрѣшенія обращаться къ авганскимъ

властямъ... возбудить дѣло черезъ Петербургъ"... И вотъ создается такое же положеніе какъ во Франціи наканунѣ революціи: „чтобы починить мѣсть по проселочной дорогѣ въ провинціи, нужноѣ ъхать въ Парижъ! „Ну, развѣ это добрососѣднія отношенія! Послѣ такихъ пассажей, ближайшій начальникъ, положимъ считающій васъ своимъ другомъ, за пподанные ему вами лакированные сапоги, возвращаешьъ вамъ слѣдующій вашъ протестъ съ припиской: „я не далъ ему ходу, чтобы тебя опять не выбросили изъ Лондона и Петербурга, какъ прошлый разъ“.

Встрѣтилъ я разъ двухъ авганцевъ солдатъ далеко углубившихся въ нашъ край на охоту за джауранами... Мы обошлись съ ними, согласно нашей инструкціи, „мягко и обходительно“. Другой разъ мы съ товарищемъ рискнули сами пойти въ ихъ сторону... и что же, встрѣчаемъ тѣхъ же солдатъ. Оба они тотчасъ стали настаивать, чтобы мы ушли, говоря, что имъ отданъ приказъ: „ничего русскимъ не запрещать, но ничего и не позволять!“. Этотъ приказъ я слышалъ отъ многихъ но съ меня его требовали всегда, по второй, а не по первой его части... Это ли не отношеніе добрыхъ сосѣдей!

Послѣ боя 18 марта 1885 года, генералъ Комаровъ отпустилъ во свояси 7 плѣнныхъ и 13 выздоровѣвшихъ раненыхъ авганцевъ снабдивъ этихъ людей деньгами, платьемъ и даже вьюками на дорогу... Авганцы ограбили этихъ своихъ земляковъ и даже обрѣзали нѣсколькимъ уши... На заявленіе ген. Комарова, что онъ приказалъ похоронить авганцевъ, павшихъ въ бою на Кушкѣ, по правиламъ шаріата и руками мусульманъ, авганскій начальникъ не прислалъ даже спасибо... Не сдѣлали это и всѣ его повелители

вплоть до Кабула, куда дошло это доносеніе...

Отчужденіе наше отъ Авганистана чревато большими невыгодами и въ военномъ смыслѣ: мы лишены свободнаго, не шпіоннаго, способа изучать своего сосѣда, какъ военнаго противника, не запрещая въ то-же время ему изучать насъ, вслѣдствіе открытаго ему свободнаго доступа къ намъ.

Наше не только военное, но и гражданское общество вправѣ периодически тревожиться вопросомъ—„а что мы знаемъ о вооруженныхъ силахъ и средствахъ того или другогососѣда?“. И военная печать или печать освѣдомленная гражданская не должна замалчивать этого вопроса, дабы избѣжать такихъ катастрофъ (съ подготовкой къ войнѣ на томъ или другомъ изъ фронтовъ) какая случилась на Дальнѣ-Восточномъ отъ того, что мы обсчитались тамъ ровно втрое противъ дѣйствительности.

Итакъ—что мы знаемъ объ Авганистанѣ, съ военной стороны?

— Весьма и весьма немного; а то что и знаемъ, въ томъ мы совершенно неувѣрены. Словомъ, знаемъ процентовъ на 75 хуже, чѣмъ знали о Японіи передъ войной съ ней.

Причины? Мы о нихъ уже говорили.

— Авганская граница закрыта для насъ и переходъ ея, вообще говоря, возможенъ только тайкомъ, или для азіатца или для европейца симулирующаго азіатца, по примѣру известнаго Вамбери съ его легендарнымъ въ свое время путешествіемъ въ Бухару. Я не скажу, чтобы примѣръ Вамбери не былъ заразителенъ и не былъ практикуемъ и сейчасъ, но вѣдь это колоссально трудно. Отъ нашей воли единственно зависить терпѣть такие труды.

Отказъ нашего правительства отъ каждого разведчика, попавшагося ав-

гандамъ—это естественный совершенно поступокъ въ организаціи тайной раз вѣдки каждого государства. Поэтому нашихъ развѣдчиковъ, изучающихъ даже то, что можетъ видѣть всякий путешественникъ и во всякой странѣ, ожидаетъ или смерть или заточеніе.

Поэтому главнымъ средствомъ добывать свѣдѣнія объ Авганистанѣ является случайный опросъ очевидцевъ и вылавливаніе свѣдѣній изъ англійской и индійской печати. И то и другое весьма и весьма зыбко. Вотъ примѣръ. Одно время изъ англійскихъ источниковъ явствовало, что вокругъ старой крѣпости Гератъ появились форты современной конструкціи, а отлогіе прямыхъ переваловъ отъ нашей крѣпости Кушки въ Гератъ показывали ихъ мало доступными для проложенія полевой жел. дор. Но одинъ счастливый случай показалъ, что оба эти свѣдѣнія насы морочили, можетъ быть умышленно. Въ одномъ

изъ пограничныхъ штабовъ собирались и систематизировались базарные авганскіе слухи. И вотъ одному изъ офицеровъ пришло на умъ подсчитать сколько по этимъ слухамъ за послѣдніи десятокъ лѣтъ ввезено было въ Авганистанъ новѣйшихъ пушекъ, ружей, патроновъ и снарядовъ. Подсчиталъ цифры прямо химерическая, ясно показывающія зыбкость того источника изъ котораго черпались эти свѣдѣнія. Таковы въ большей или меньшей степени все источники объ Авганистанѣ вслѣдствіе закупорки отъ насы его дверей.

Сколько войска можетъ выставить Авганистанъ?

Считаютъ у насы, что до миллиона (860,000) воиновъ при 3,000 пушекъ. Для оправданія этой цифры у насы обыкновенно берутъ наибольшую цифру изъ 3—4 ея варьятовъ, предлагаемыхъ разными источниками. Въ томъ числѣ

считываютъ $\frac{1}{10}$ регулярныхъ войскъ (109,400), $\frac{1}{20}$ полу-регулярныхъ (50,000 милиціи) и до $\frac{7}{8}$ ополченія. У насы весьма любятъ опираться на известную книгу „Автобіографія Абдурахмана“, которая весьма подозрительного происхожденія. Съ нѣкоторой уверенностью у насы еще могутъ говорить о регулярной части авганской арміи, о ея пѣхотѣ и конницѣ, да можетъ быть о милиціи. Въ регулярной арміи $\frac{1}{3}$ пѣхоты и $\frac{1}{2}$ въ милиціи. Про артиллерию авганцевъ столько же вѣрныхъ свѣдѣній сколько и невѣроятныхъ. Число батарей неизвѣстно. Полагаютъ, что большее число орудій — устарѣлыхъ системъ; изъ новѣйшихъ подозрѣваютъ мелкіе новой горной (свинтной) англійской пушки, калибромъ 2,75 дюйма, да двухъ типовъ полевой пушки—18-ти фунтовой скорострѣльной и 15-ти фунтовой полевой. О пулеметахъ давно идетъ молва, ни чѣмъ существеннымъ не подтвержденная. Ружья по словамъ развѣдчиковъ—„новѣйшихъ системъ и отлично содержатся“, а то что удалось мнѣ лично видѣть на границѣ—устарѣло и содержится отвратительно!

И до тѣхъ поръ пока будутъ у насы продолжаться эти анти-сосѣднія отношенія съ Авганистаномъ, до тѣхъ поръ будемъ сыпать горсти золота за ворохи развѣдочныхъ свѣдѣній, среди которыхъ, какъ среди горъ негоднаго песку кое гдѣ блестятъ крупинки похожія на золото.

Мы только что отпраздновали 25-ти лѣтній юбилей славнаго боя на рѣкѣ Кушкѣ 1885 $\frac{18}{1910}$ г. и больше къ сожалѣнію, писали и говорили о подробностяхъ сраженія, чѣмъ о поучительности всей обстановки, которая раскрылась передъ нами тогда. Обстановку эту грѣшно (для нашихъ государственныхъ интересовъ) забывать!

Съ ней слѣдуетъ намъ сообразовать текущую нашу политическую и всякую другую практику въ этихъ краяхъ.

Я, какъ имѣвшій случай разсмотрѣть архивы нашего разграничения съ Авганистаномъ при посредствѣ Англіи въ 1885 г.—подѣлюсь съ читателями выводами изъ нравоученій этихъ архивныхъ документовъ, окропленныхъ на Кушкѣ кровью нашей и авганской... но не англійской! А этотъ бой и эта кровь суть прямые результаты соглашенія съ Англіей... И наши теперешнія странныя, оскорбительныя, неудобныя и непрактичныя отношенія наши къ Авганистану—суть также плоды нашего соглашенія съ Англіей... Мы же попали теперь въ полосу такого уклада жизни въ Средней и Малой Азіи, что соглашеніе съ Англіей считается панацеей отъ всякихъ бѣдъ въ этихъ краяхъ. „Кушкинскій“ же опытъ говоритъ другое: онъ свидѣтельствуетъ о вредѣ для насъ соглашеній съ Англіей.

Правда предстоитъ еще рѣшить вопросъ—отчего этотъ вредъ происходитъ—отъ самаго ли факта соглашенія или отъ неумѣнья имъ пользоваться. Я, забѣгая впередъ, скажу, что соглашеніе само по себѣ едва ли можетъ быть когда либо вреднымъ, но мы вступая въ него не можемъ подпасть настолько англійскому вліянію, чтобы не играть роли приниженней раболѣпной, угодливой даже тогда, когда, этого не надо по обстановкѣ...

Да вотъ примѣръ!

Что наша политика права стараясь съ давнихъ поръ избѣжать столкновенія съ Англіей—это разумно. Ибо Англія очень сильная и вліятельная держава въ свѣтѣ, и тамъ гдѣ сама не сможетъ укусить, заставить (своимъ золотомъ и вліяніемъ) кусать

васъ какой нибудь другой народъ. Да мы сами не разъ дѣйствовали въ европейскихъ коалиціонныхъ войнахъ на англійское золото.

Но можно избѣгать столкновеній не теряя своего достоинства, не связывая своихъ рукъ и не прислуживая.. Трусить всякаго неудовольствія Англіи—значитъ терять уваженіе въ ея собственныхъ краяхъ.

Всѣ народы старого свѣта искони старались проложить торговую дорогу въ богатую Индію. И мы тоже—о чёмъ свидѣтельствуютъ наши былины, лѣтописи, архивы и написанная уже исторія „Московской“ и „Петербургской“ Руси. Это такъ естественно... Улаживая съ народомъ Средней Азіи свои сосѣдскія отношенія, до завоеванія ихъ включительно, мы всегда имѣли въ виду открыть и обезопасить торгъ въ направленіи къ Индіи. Это такъ натурально! А когда намъ приходилось злобствовать на Англію, мы не упускали случая мечтать, пробовать и грозить укусить Англію со стороны Индіи..

И вотъ, при всемъ томъ, наша политика взялась за страшное дѣло—увѣрять Англію, что мы не имѣемъ никакихъ видовъ на Индію! Это уже неестественно, это ужъ выглядитъ странно... и, я увѣренъ, что эти успокоенія, противныя ходу всей нашей исторіи, гораздо болѣе нервируютъ Англію, чѣмъ наши Средне-Азіатскія дѣла, походы и проч... Какъ можно отречься отъ исторіи! Какъ можно дать слово не кушать, когда захочется Ѣсть!

Мы, славяне, имѣемъ еще слабость, лѣзть цѣловаться ко всякому первому встрѣчному, когда мы въ восторгѣ отъ какой нибудь удачи: тогда мы начинаемъ благодѣтельствовать на право

и на лѣво, обѣщать все и всѣмъ даже когда настѣ не просятъ!!!

Въ пору нашихъ блестящихъ успѣховъ въ Туркестанѣ и Хивѣ, въ 70-хъ годахъ, мы столь умилились душой, что „поклялись“ Англіи въ неимѣніи какихъ либо стремленій въ сторону Индіи и сами навязались на соглашеніе 1872—73 годовъ: „не дѣлать къ сторонѣ Авганистана ни политическихъ, ни стратегическихъ шаговъ, безъ вѣдома и безъ посредства Англіи“.

Скоро рядъ обстоятельствъ упразднилъ самъ собою это соглашеніе. Авганистанъ пытался опереться на нашу руку, нажилъ за это войну съ Англіей, въ которой мы его не поддержали, но изъ которой онъ вышелъ съ достаточной самостоятельностью, признавъ надъ собой лишь тѣнѣ зависимости отъ Англіи, и то на плату, ввидѣ ежегодной и довольно крупной субсидіи эмиру. Но торгаши англійскіе ухитрились сдѣлать эту субсидію сорной ямой, въ которую они валили все старые своихъ оружейныхъ арсеналовъ и своихъ войсковыхъ цейхгаузовъ: вотъ почему гражданскіе чиновники высшихъ ранговъ щеголяютъ въ третьесрочныхъ мундирахъ кондукторовъ правительственныйыхъ индійскихъ дорогъ, которымъ перемѣнили форму, а пѣхота эмира стрѣляетъ изъ ружей съ „пулей Минье“.

Роль Англіи въ Русско-Турецкой войнѣ заставила насъ даже бредить походомъ на Индію и сбирать для этого войска въ Туркестанѣ, развѣдывать офицерами генерального штаба Турк. на Гиндукушскіе перевалы...

Послѣ блест. Ахалтекинскаго похода, занятіе Мерва и очевидно тяготѣніе къ намъ всей остальной свободной Туркменіи—солоровъ теджент-

скихъ, сэрыковъ пендинскихъ и эрсаринцевъ аму-дарьянскихъ... и даже тяготѣніе племени съвернаго Авганистана—узбековъ, хазарійцевъ, фирузуевъ и дженишидовъ—снова столь умилило наше сердце, что мы, нуждаясь въ разграничениіи съ Авганистаномъ, вдругъ объявили Англіи, что — „считая Авганистанъ, согласно соглашенія 1872—73 г.г. безгласнымъ вассаломъ Англіи, желаемъ сдѣлать это разграничение не съ Авганистаномъ, а съ Англіей“.

Этимъ министръ нашъ Гирсъ думалъ разодолжить совершенно Англію. И разодолжилъ на свою голову.

Англія, зная, что Авганистанъ вовсе не такъ послушенъ въ ея рукахъ, какъ Бухара въ рукахъ Россіи—предложила пригласить въ разграничительную комиссию авганскаго delegata. Но мы увидѣли въ этомъ лишь хитрость—какъ бы испытаніе нашего довѣрія къ Англіи или Англіи къ намъ и—нотой отъ 3-го мая 1884 г.—мы объявили, что представителя отъ Авганистана допускаемъ въ разграничительную комиссию, только какъ эксперта, какъ знатока мѣстныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, мы старались неестественно угодить Англіи—что походило ужъ на низкопоклонство...

Авганистанъ же не читаль переписки между Петербургомъ и Лондономъ не зналъ, что мы затѣваемъ дѣлить шкуру еще не убитаго медвѣдя... Онъ вовсе не считалъ себя въ такой зависимости отъ Англіи, какъ мы ему это насилино навязывали... И несмотря на то, что это ясно передъ нами обнаружилось, мы все стояли на своемъ „въ угоду Англіи“...

А обнаружилось это такъ. Англія просила Авганистанъ пропустить изъ Индіи въ раionъ разграничения конвой

ся комиссии въ 1000 человѣкъ солдатъ и вооруженныхъ рабочихъ. Эмиру это было не по душѣ и онъ объявилъ, что пусть идутъ, но онъ сни- маеть съ себя отвѣтъ за разбои по- путныхъ авганскихъ племенъ и ставить условіемъ, чтобы англійскій отрядъ не приближался къ Герату! Хорошъ вассалъ! попробовала бы это сдѣлать съ нами Хива или Бухара.

А мы уперлись на свое—идя на разграничение съ твердой предвзято-стью, что всякое треніе съ авганцами во время разграничения будетъ легко устранионо *сюзереномъ Авганистана—Англіей!*

Кажется Англія¹ быстро смекнула, что при такомъ положеніи вещей легче—легкаго столкнуть насъ съ авганцами, причемъ это столкновеніе уничтожитъ окончательно послѣднюю тѣнь возможности *сближенія* нашего съ Авганистаномъ, шире раз- вернетъ *«пропасть»* нашихъ добросо- сѣдскихъ съ нимъ отношеній и тѣмъ возможно лучше бросить Авганистанъ въ руки, въ объятія Англіи...

Все это и совершилось и мы полу- чивъ на Кушкѣ столь легкій и пыш- ный тріумфъ надъ войскомъ авган- цевъ, доставили тѣмъ рѣдкій тріумфъ англичанамъ надъ волей и сердцемъ Авганистана..., тріумфъ котораго они не могли добиться мечемъ Робертса въ войну 1879—1881 г.г. ни золотомъ ежегодной богатой эмирской субсидіи, ни уступчивостью нашей дипломатіи... Праздникъ 18 марта 1885 г.—есть праздникъ для *англійской политики*, торжество надъ нашей простоватостью въ политикѣ Средней Азіи.

Теперь документально ясно, что ав- ганцы были подбиваемы англичанами (г. Лемедня и его спутники) на захва- ты Зюльфагора, Пенде... въ спорной

полосѣ, разграничениѣ; что наши про- тесты противъ этихъ захватовъ, пере- даваемые нами черезъ англичанъ, не дѣйствовали отчасти по достаточной самостоятельности авганцевъ и непо- слушанію ихъ Англіи, отчасти по нежеланію англичанъ, чтобы наши протесты содѣйствовали къ мирному улаженію дѣла.

Капитанъ Іетъ проговорился, что онъ и не сомнѣвался въ томъ, что при столкновеніи, мы, какъ лучше вооруженные и лучше обученные—одер- жимъ верхъ надъ авганцами... Стало быть этотъ Іетъ, убѣждавшій въ то же самое время авганского начальни- ка Тимуръ-шаха быть твердымъ—тол- каль его на явное пораженіе, толкалъ Авганистанъ, получить отъ Россіи кровную обиду, кровавый урокъ, не- смываемый десятками лѣтъ нашей теперешней пограничной уступчивости... Вотъ что значитъ искать соглашеній съ Англіей въ Средней Азіи! Кто поручится, что въ слѣдующій разъ дѣло соглашенія не принесетъ намъ такихъ же или еще болѣе горькихъ плодовъ.

Бой на Кушкѣ, устроенный англи- чанами, отворилъ имъ и ихъ конвою двери въ Гератъ съ 1885 г. и заперъ дверь въ Авганистанъ намъ, русскимъ!

Ясно ли теперь Вамъ, читатель, наше настоящее отчужденіе отъ Авга- нистана? Ясно ли отчего оно произо- шло? кто и что его виной...

И вы думаете, что я открылъ Аме- рику, что это не говорилось и не пи- салось въ то самое время, когда складывались описанныя мной собы- тія?

Напротивъ, генералъ Шепелевъ, состоявшій при генералѣ Дундуковѣ- Корсаковѣ²) во время хода разграни-

¹) Закаспійская область, гдѣ шло раз- граниченіе входила въ составъ Кавказа, гдѣ правилъ тогда ген. Дундуковъ.

ченія, доказывалъ, что мы напрасно избѣгаемъ внимательнѣе взглядѣться въ вопросъ—да не вредно ли для насъ въ Средней Азіи соглашеніе съ Англіей?

Генералъ Зеленый какъ бы отвѣчалъ на это: Да, безусловно вредно. Это да с тъ возможностью Англіи ссорить насъ съ Авганистаномъ и питать его отчужденность отъ насъ.

А генералъ Дундуковъ—Корсаковъ прямо заявилъ, что мы дѣлаемъ страшный промахъ „надѣвая бѣлыя перчатки“ въ Средней Азіи за долго до соприкосновенія нашихъ владѣній съ безспорными владѣніями Англіи... Онъ говорилъ, что всякое соглашеніе полезно только Англіи; что всякое соглашеніе умаляетъ наше значеніе въ глазахъ впечатлительныхъ среднеазіатцевъ отъ Каспія до Кашгара и отъ Хивы до Индіи... Что иначе—то кто же можетъ его и почитать. Дѣйствительно, что должны думать кругомъ, видя, что Россія въ вопросахъ чисто домашнихъ, въ своихъ пограничныхъ владѣніяхъ съ авганцами не смыть шагу сдѣлать безъ вѣдома и согласія третьей державы... Конечно, всякий скажетъ, что veto Англіи ограничиваетъ въ Средней Азіи нашу державную самостоятельность!.. а въ Азіи все это толкуется какъ слабость.

Г. Дундуковъ говорилъ всегда, что наше теперешнее положеніе въ Средней Азіи болѣе чѣмъ когда нибудь благопріятствуетъ полной свободѣ нашихъ рукъ тамъ, и что одна увѣренность въ этомъ сдѣлала бы Авганистанъ послушнымъ намъ, какъ овечка, и съдомъ самymъ расположеннымъ, доброжелательнымъ и предупредительнымъ.

Дѣйствительно, Авганистанъ совершенно не прикрытъ природой отъ

Россіи, такъ какъ онъ надежно заслоненъ отъ Англіи со стороны Индіи валомъ Трансъ-Индскихъ горъ, населенныхъ осиннымъ гнѣздомъ воинственныхъ народцевъ, съ которыми Англія вотъ уже столѣтіе ведетъ трудную борьбу, не уступающую нашему покоренію Кавказа. Къ Россіи же Авганистанъ обращенъ конгломератомъ народцевъ, явно тяготѣющихъ уйти изъ подъ суроваго управлениія авганцевъ—и это то и задавило бы Авганистанъ, при достаточной свободѣ рукъ нашихъ, дѣлать въ нашу сторону „пріятныя улыбки“. Вѣдь известно, что изъ-за Кушкинского столкновенія неминуемо разразилась бы война Россіи противъ англо-авганцевъ, если бы послѣ боя съверные авганскія племена не потянули къ намъ, если бы среди индусовъ въ Индіи не поднялось бы броженіе и весь конгломератъ народцевъ Авганистана и Индіи не далъ всѣхъ трещинъ отъ этого небольшого удачнаго удара по р. Кушкѣ.

Итакъ наше положеніе въ Ср. Азіи должно жить безъ соглашеній, безъ задникъ лапокъ передъ Индіей... и только это будетъ обладать свойствомъ достойнымъ нашего государства. Прямота нашихъ желаній къ сторонѣ Индіи—добрососѣдскія и бойкія торговыя отношенія—никогда не столкнутъ насъ съ англо-авганцами, какъ непремѣнно это сдѣлаютъ ваши увѣренія въ равнодушіи къ Индіи.

А. Шеманскій.